

DOI: 10.15393/j10.art.2020.4421

УДК 821.161.1+930.25

А. Г. Подрябинкина*Московский государственный университет**им. М. В. Ломоносова**(Москва, Российская Федерация)**nastya.podryabinkina@gmail.com*

Что рассказал Юзеф Богуславский о Сергее Дурове и Федоре Достоевском в «Сибирском дневнике»?*

Аннотация. В статье рассмотрена глава «Сергей Дуров и Федор Достоевский» из «Сибирского дневника» польского революционера Юзефа Богуславского, находившегося в Омском остроге одновременно с Ф. М. Достоевским. «Сибирский дневник» вошел в книгу «Polacy z Wilna i ze Żmudzi na zesłaniu. Pamiętniki Józefa Bogusławskiego i księdza Mateusza Wejta» («Поляки из Вильнюса и Жемайтии в изгнании. Воспоминания Юзефа Богуславского и ксендза Матеуша Вейта»). Некоторые фрагменты этой книги и других польских источников переведены на русский язык впервые автором статьи, в том числе воспоминания о Сергее Дурове и Федоре Достоевском. Рассмотрена взаимосвязь «Сибирского дневника» Ю. Богуславского, «Записок из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского и «Семи лет каторги», «Каторжан» Ш. Тока(р)жевского.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, «Записки из Мертвого дома», Токажевский, Токарежевский, Богуславский, омский острог, каторга, Ягеллонская библиотека, Российский государственный военно-исторический архив

Об авторе: Подрябинкина Анастасия Геннадьевна — студентка факультета журналистики, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (ул. Моховая, 9с1, г. Москва, Российская Федерация, 119019)

Дата поступления: 01.12.2019

Дата публикации: 31.03.2020

Для цитирования: Подрябинкина А. Г. Что рассказал Юзеф Богуславский о Сергее Дурове и Федоре Достоевском в «Сибирском дневнике»? // Неизвестный Достоевский. — 2020. — № 1. — С. 51–68. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4421

«Wypadałoby mi teraz pożyczyć pióra od jakiegoś znakomitszego autora, aby godnie nakreślić wypadki, które zaraz przedstawię. Wypadki, które stanowiły główną epokę mego życia» («Хотел бы я сейчас одолжить перо у какого-нибудь более талантливому автору, чтобы достойно обрисовать события, которые я собираюсь представить. События, ознаменовавшие важнейший период моей жизни»)¹, — так начинается 15-я глава «Сибирского дневника» Юзефа Богуславского (Józefa Bogusławskiego), польского революционера, каторжника [Polacy z Wilna i ze Żmudzi na zesłaniu: 94]. Пять последующих «дневниковых» глав посвящены омской каторге...

В «Статейном списке арестантов гражданского ведомства, сосланных в крепостную работу на срок, в Омской крепости состоявшим» за 1850 г. Юзефа Богуславского мы найдем на 25-м листе под номером 18:

Иосиф Богуславский, 32 лет, лицо круглое, худощавое, глаза серые, волосы темно-русые, на левой щеке родимый знак «вроде бородавки». Телосложения крепкого. Из дворян Царства Польского. В крепость Усть-Каменогорскую доставлен 1849 г. февраля 3, в Омскую — 1849 г. октября 31. Осужден «за участие в преступных замыслах Эмисара Рера». Лишен всех прав состояния, «с переломлением над головою чрез палача шпаги». Ведет себя хорошо. Прислан в работу на 10 лет. Вероисповедания католического. Чернорабочий, «грамоте по-польски читать и писать умеет». Холост².

На этом же листе, под номером 20, найдем и скудные сведения о Федоре Михайловиче Достоевском: лицо чистое, белое, глаза серые, нос обыкновенный, волосы светло-русые, на лбу над левой бровью небольшой рубец. Телосложения крепкого. Из бывших отставных поручиков. Доставлен в крепость 1850 года января 23. Осужден по Высочайшей Конфирмации за принятие участия в преступных замыслах, распространение письма Литератора Белинского, наполненного дерзкими выражениями против православной Церкви и верховной власти, и покушение вместе с прочими к распространению сочинений против правительства посредством домашней литографии. Без телесного наказания, с лишением всех прав состояния. Ведет себя хорошо. Прислан «в каторжную работу в крепостях на четыре года». Вероисповедания православного. Чернорабочий, грамоту знает. Холост³.

Самым первым упоминанием в печати Статейных списков Омской крепости за 1850 г. следует считать публикацию К. Николаевского в январском номере «Исторического вестника» за 1898 г.: «Во время моей последней поездки в степные области я имел возможность видеть в г. Омске любопытный документ, касающийся пребывания Ф. М. Достоевского и шести других политических преступников в бывшей омской каторжной тюрьме, в 1850 году», — так начинается статья «Товарищи Ф. М. Достоевского по каторге» [Николаевский: 219]. Автор приложил к ней Статейный список, где упоминаются Александр (Олесь) Мирецкий, Павел Аристов, Иосиф (Юзеф) Жаховский, Шимон Тока(р)жевский⁴, Иосиф (Юзеф) Богуславский, Сергей Дуров и Федор Достоевский.

К. Николаевский снабдил текст комментариями из «Записок из Мертвого дома» и собственными выводами. Интересно, что в апрельском номере «Исторического вестника» за 1898 г., в разделе «Заметки и поправки», М. Базанов, называющий себя «омским старожилом» [Базанов: 357], указывает на некоторые неточности К. Николаевского. Он пишет: «Меня удивляет, что г. Николаевский, несколько лет живший в Омске и, вероятно, здесь у нас добывший статейный список, не поинтересовался даже справиться, где был острог, и осталось ли от него что-нибудь» [Базанов: 356]. М. Базанов уточняет, что острог находился на северо-восточном бастионе бывшей крепости, а в 1877 г. от него остались только две казармы, кухня, амбары и кордегардия. Автор приводит цитаты из «Записок...» о кордегардии и добавляет, что в 1878 г. ему довелось пожить в одной из казарм: «Живо интересуюсь острогом, памятным мне по “Запискам из Мертвого дома”, я обошёл обе казармы и кухню, думая найти какие-нибудь следы бывшей каторги: надписи на стенах или что-нибудь в этом роде; но стены казармы были забелены, нары сняты, и ничто уже не напоминало о “мёртвом доме”, доме ужасов и гражданской смерти многих людей», — пишет М. Базанов [Базанов: 357]. В 1880 г. автор уезжает в Томск, а когда возвращается через 6 лет, «об остроге уже нет и помину» [Базанов: 357]. Уцелела одна кордегардия.

Многие прототипы героев «Записок из Мертвого дома» раскрыты Б. В. Федоренко⁵, позже С. В. Беловым [Белов]. Собранные и структурированные С. В. Беловым сведения дополнил и уточнил Б. Н. Тихомиров в статье «Достоевский и другие» [Тихомиров]. Он отметил следующее: «Включив в ЭС сведения более чем о полутораэтажных каторжниках Омского острога времени заключения там Достоевского и специально подчеркнув, что их имена приводятся в печати впервые <...>, С. В. Белов ни словом не упоминает о том, что Статейные списки об арестантах Омской крепости, на которые он ссылается как на источник, впервые, еще в 1960-е годы, были обнаружены в результате напряженной поисковой работы в фондах Российского государственного военно-исторического архива Б. В. Федоренко и в 1972 году использованы (с указанием точных шифров архивного хранения) в примечаниях к “Запискам из Мертвого дома” в изд.: *Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Л., 1972. Т. 4. С. 279–288*» [Тихомиров: 254].

В. П. Владимирцев о Статейных списках арестантов, сосланных в Омскую крепость, пишет следующее: «...Сопоставление народных героев “Мертвого дома” со “Статейными списками арестантов, сосланных в Омскую крепость”, подтверждает, что Достоевский подвергал фактологические материалы личных впечатлений о сокааторжниках свободной литературной, типизирующей и поэтизирующей, обработке (разыскания Б. В. Федоренко и И. Д. Якубович <...>), в соответствии с ролью Горянчикова во всех планах повествования» [Владимирцев: 758].

Юзеф Богуславский — прототип Б—ского (или Б.), героя «Записок из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского:

«Б. был слабосильный, тщедушный человек, еще молодой, страдавший грудью. Он прибыл в острог с год передо мною вместе с двумя другими из своих товарищей — одним стариком, всё время осторожной жизни денно и нощно молившимся Богу (за что его очень уважали арестанты) и умершим при мне (речь идет об Юзефе Жоховском. — А. П.), и с другим, еще очень молодым человеком, свежим, румяным, сильным, смелым, который дорогою нес уставшего с пол-этапа Б., что и продолжалось семьсот верст сряду (имеется в виду Шимон Тока(р)жевский. — А. П.). Нужно было видеть их дружбу между собою. Б. был человек с прекрасным образованием, благородный, с характером великодушным, но испорченным и раздраженным болезнью» (ДЗ0; 4: 81).

Действительно, из Статейного списка за 1850 г. следует, что Ю. Богуславский, Ш. Тока(р)жевский и Ю. Жоховский прибыли в Омскую крепость в один день — 31 октября 1849 года⁶. А в «Ведомостях о сосланных в Омскую крепость за 1851–1852 годы» находим такое упоминание, датированное 2 января: «Выключен из списочного состояния умерший в омском военном госпитале политический преступник Иосиф Жаховский»⁷.

Шимон Тока(р)жевский в книге «Семь лет каторги» пишет о случае, который упомянул Ф. Достоевский: «“Не тронь его” (*по-русски*) — этот “завет” пробежал по всем казематам, а легенду о моей якобы геркулесовой силе разбойники придумали оттого, что один из солдат, что конвоировал нас из Усть-Каменогорска, рассказал, как я нес на руках больного Юзика (Юзефа Богуславского. — А. П.) от этапа до этапа и, с малыми перерывами, выдержал семьсот верст» [Токаржевский, 2005: 5]. Об этом же эпизоде можно прочитать в книге «Polacy z Wilna i ze Żmudzi na zesłaniu. Pamiętniki Józefa Bogusławskiego i księdza Mateusza Wejta» («Поляки из Вильнюса и Жемайтии в изгнании. Воспоминания Юзефа Богуславского и ксендза Матеуша Вейта»):

«Marsz do Omska omal nie zakończyłby się zgonem Józefa Bogusławskiego, gdyby nie braterska postawa Szymona Tokarzewskiego. W czasie drogi liczącej prawie 600 kilometrów dużą jej część niósł Bogusławskiego na plecach (nie wiadomo, na jakim odcinku to czynił, lecz musiało to trwać przez dłuższy czas, skoro było o tym głośno nie tylko wśród polskich zesłańców na Syberii) («Марш в Омск закончился бы смертью Юзефа Богуславского, если бы не братское отношение Шимона Тока(р)жевского. Большую часть дороги, которая достигала почти 600 километров, он нес Богуславского на спине (неизвестно, на каком отрезке пути Тока(р)жевский так делал, но судя по тому, что этот случай был известен не только среди польских ссыльных в Сибири, он помогал Богуславскому довольно долгое время)» [Polacy z Wilna i ze Żmudzi na zesłaniu: 21].

Литературное наследие Шимона Тока(р)жевского представлено несколькими книгами, среди которых «Семь лет каторги» (Варшава, 1907), «Среди умерших для общества. Зарисовки из жизни поляков в Сибири» (Варшава, 1911), «В скитаниях. Воспоминания изгнанника» (Варшава, Львов, год

издания не указан), «Каторжники. Сибирские зарисовки» (Варшава, 1912), «Побег. Воспоминания о Сибири» (Варшава, 1913), «Тернистым путем» (Варшава, 1909), «Без паспорта» (Варшава, 1910), «Из записок 1863 года и последующих лет» (Варшава — Львов, 1912). На русский язык 8 книг Ш. Тока(р)-жевского полностью перевела с польского языка Мэри Моисеевна Кушникова. Они были опубликованы в сборнике «Сибирское лихолетье» в 2007 г., предисловие к которому написали М. М. Кушникова и В. В. Тогулев [Кушникова, Тогулев].

На данный момент существует несколько работ, где проанализированы тексты «Записок...» Ф. Достоевского, «Семи лет каторги» и «Каторжан...» Ш. Тока(р)жевского. Интерес исследователей к этим произведениям обусловлен тем, что в них достаточно много схожих эпизодов, одинаковых имен и фамилий. Это неудивительно, поскольку Ф. Достоевский и Ш. Тока(р)-жевский находились в омском остроге в одно время, а значит, они были свидетелями одних и тех же происшествий, и круг их общения был одинаков. При том очевидны различия обоих авторов в оценке этого периода их жизни и различия в их мировоззрении. Важно учитывать все факты, сопоставлять и анализировать оба текста, показать, почему авторы делают акценты на тех или иных событиях, по-разному оценивают некоторых людей из их окружения.

Гораздо меньше внимания уделялось еще одной книге, автор которой находился в остроге вместе с Ш. Тока(р)жевским и Ф. Достоевским. Речь идет о «Сибирском дневнике» Ю. Богуславского.

В 1896 г. мемуары Юзефа Богуславского под заголовком «Воспоминания Сибиряка» опубликовала краковская газета «Новая Реформа». В книге «Polacy z Wilna i ze Żmudzi na zesłaniu...» читаем:

«Postać Józefa Bogusławskiego <...> jest znana polskiej historiografii. Wynikało to głównie z serdecznej przyjaźni, jaka łączyła go z jednym z najgłośniejszych kronikarzy losów polskich więźniów politycznych na Syberii, Szymonem Tokarzewskim, autorem m.in. wspomnień zatytułowanych “Siedem lat katorgi”» («Личность Юзефа Богуславского <...> известна польской историографии. Это связано в первую очередь с тем, что он был близким другом известного летописца судеб польских политзаключенных в Сибири, Шимоном Тока(р)жевским, автором в том числе и тех воспоминаний, которые озаглавлены как “Семь лет каторги”») [Polacy z Wilna i ze Żmudzi na zesłaniu: 11].

Вот и редакция «Новой Реформы» отмечала, что мемуары Богуславского «przepisał i uzupełnił Sybirak, Szymon Tokarzewski» («переписал и дополнил Сибиряк, Шимон Тока(р)жевский») [Polacy z Wilna i ze Żmudzi na zesłaniu: 31]. В архиве Ягеллонской библиотеки в Кракове находится рукопись «Сибирского дневника» Ю. Богуславского⁸. Она представляет собой «zeszyt o wymiarach 27,5 × 22,5 cm i w sumie liczy 106 stron. Tekst jest czytelny, pisany starannie, niemal

bez korekt i skreśleń» («тетрадь размером 27,5 на 22,5 сантиметров и в сумме насчитывает 106 страниц. Текст читабельный, написан старательно, почти без поправок и зачеркиваний») [Polacy z Wilna i ze Żmudzi na zesłaniu: 37].

Книга «Polacy z Wilna i ze Żmudzi na zesłaniu...» вышла в 2016 г. в польском городе Кельцы и стала четвертой в серии «Kresy w polskich pamiętnikach i listach» («Кресы в польских воспоминаниях и письмах»). Подготовил издание Мариуш Новак. Книга состоит из 2 частей — «Сибирского дневника» Юзефа Богуславского и «Воспоминаний из 1863 года» Матеуша Вейта. Интересно, что «Сибирский дневник» в книге — это соединение печатного варианта мемуаров Ю. Богуславского, опубликованного в «Новой Реформе», и рукописного текста, хранящегося в Ягеллонской библиотеке. Составитель был вынужден пользоваться двумя источниками, поскольку они отличаются друг от друга. Так, в печатном варианте отсутствуют некоторые эпизоды, «istotne dla całości narracji» («существенные для сохранения целостности повествования») [Polacy z Wilna i ze Żmudzi na zesłaniu: 39].

В 2019 г. в Бостоне вышел первый перевод «Сибирского дневника» на английский язык. Он был включен в книгу Элизабет Блейк «Travels from Dostoevsky's Siberia: encounters with Polish literary exiles» («Сибирские дороги Достоевского: встречи с польскими ссыльными литераторами») [Blake]. На русский язык мемуары Юзефа Богуславского не переводились (за исключением отдельных фрагментов, над которыми работал В. А. Дьяков в статье «Каторжные годы Ф. М. Достоевского (по новым источникам)» [Дьяков]⁹). Мы перевели ту часть воспоминаний Ю. Богуславского, которая касается омского острога и содержится в книге «Polacy z Wilna i ze Żmudzi na zesłaniu...».

Существует несколько работ польских исследователей, где затрагивается вопрос о том, почему «Семь лет каторги» Ш. Тока(р)жевского и «Сибирский дневник» Ю. Богуславского имеют столько общих эпизодов и похожих (а иногда даже дословно повторенных!) фраз (например, опубликованная еще в 1975 г. статья «Kto był właściwym autorem rozdziału poświęconemu Dostojewskiemu w książce Szymona Tokarzewskiego "Siedem lat katorgi"», которую написала З. Бобович-Потоцкая («Кто был настоящим автором раздела, посвященного Достоевскому в книжке Шимона Тока(р)жевского "Семь лет каторги"») [Bobowicz-Potocka]. Об этом, в том числе, рассуждает Мариуш Новак в многократно упомянутой нами книге «Polacy z Wilna i ze Żmudzi na zesłaniu...».

В русском переводе «Семи лет каторги», который был опубликован в альманахе «Голоса Сибири», глава «Федор Достоевский» начинается так:

«В январе 1850 г. из Петербурга привезли двух русских заключенных.

Сергей, сын Федора Дурова, и Федор, сын Михаила Достоевского, оба чрезвычайно слабые, нервные, как будто пропитанные йодом и ртутью, как аптечные склянки, осуждены были на четыре года тяжелых работ, а потом на воинскую службу» [Токаржевский, 2005: 5] (курсив мой. — А. П.).

В оригинальном тексте, которые, кстати, практически идентичен тексту Ю. Богуславского, смысл немного иной¹⁰:

«W styczniu 1850 r[oku] przywieźli z Petersburga dwóch rosyjskich więźniów stanu. Sergiusz, syn Teodora Durowa, i Teodor, syn Michała Dostojewskiego, obydwaj nadzwyczaj słabi, zdenerwowani, jodyną i merkuriuszem przeładowani niby bańki aptekarskie, skazani na cztery lata ciężkich robót, a następnie do wojska» («В январе 1850 года из Петербурга привезли двоих российских политических заключенных. Сергей, сын Федора Дурова, и Федор, сын Михаила Достоевского, были чрезвычайно слабы, взволнованны и пропитаны йодом и ртутью, как аптечные банки; осудили их на четыре года тяжелых работ, а после — на военную службу») [Polacy z Wilna i ze Żmudzi na zesłaniu: 270].

С союзом «как будто» предложение звучит по-другому, и неоднозначное замечание Ш. Тока(р)жевского и Ю. Богуславского воспринимается скорее как художественное сравнение.

Известно отношение Шимона Тока(р)жевского к Сергею Дурову и Федору Достоевскому, однако что о них пишет Юзеф Богуславский?

«Durow przynajmniej umiał godzić swoje minione położenie z obecnym. Znał świat, miał dość nauki, która mu pozwalała robić trafne spostrzeżenia o skłonnościach i charakterze ludzi. Chociaż czasem nudził nas śmiertelnie, powtarzaniem po kilka razy [tych samych] dykteryjek ze swego życia lub swoich znajomych w Petersburgu, był to jednak niezły Moskał. Przynajmniej dwadzieścia razy słyszałem, jak powtarzał, że jego stryj był gubernatorem w Smoleńsku, zaś matka pochodziła w prostej linii od [Bohdana] Chmielnickiego. Często z przyjemnością można było z nim mówić; naturalnie, nie bardzo się wywnętrzając» («Дуров по крайней мере вел себя достойно и в нынешнем положении. Он знал свет, был достаточно образован, и это позволяло ему делать меткие замечания о склонностях и характере людей. Хоть иногда он смертельно надоел нам, по много раз повторяя те же самые анекдоты из своей жизни или из жизни своих знакомых в Петербурге, был он, однако, недурной москаль. По меньшей мере 20 раз я слышал, как он повторял, что его дядя был губернатором в Смоленске, а мать происходила по прямой линии от Богдана Хмельницкого. Часто с ним можно было приятно поговорить; хотя, разумеется, не очень откровенно») [Polacy z Wilna i ze Żmudzi na zesłaniu: 109].

Интересно, что Юзеф Богуславский рассказывает о Сергее Дурове гораздо больше, чем Федор Достоевский в «Записках...». Лишь иногда в тексте появляются инициал «Д.» и коротенькие фразы, например: «мой товарищ, с которым я прибыл», — вот практически все, что мы узнаем из «Записок...» о сокаторжнике Достоевского, который был также осужден по делу Петрашевского. Даже Статейные списки в этом случае красноречивей «Записок...»: Сергей Дуров, 35 лет, лицо чистое, волосы черные, глаза темно-карие, нос

и рот обыкновенные, телосложения крепкого. Отставной коллежский асессор, в крепость поступил 23 января 1850 года. Был отправлен на каторгу «за участие в преступных замыслах, учреждение у себя в квартире собрания для этой цели и покушение к распространению сочинений против Правительства посредством домашней литографии». Телесному наказанию подвергнут не был, но лишен всех прав состояния. Осужден на 4 года. Черно-рабочий, грамоту знает¹¹.

Почему же Достоевский так мало говорит о человеке, который, учитывая определенную связанность их судеб, мог бы стать ему самым близким из всех арестантов? П. К. Мартьянов видит причину во враждебных отношениях двух петрашевцев: «...они ненавидели друг друга всею силою души, никогда не сходились вместе и в течение всего времени нахождения в Омском остроге не обменялись между собой ни единым словом» [Мартьянов: 268]¹². Однако нам видится тут некоторое преувеличение.

И. Д. Якубович считала, что отношения между Достоевским и Дуровым были скорей просто далекими, чем откровенно враждебными [Якубович: 542]. Такое мнение подкрепляется свидетельством о том, что оба эти петрашевца уже после освобождения из Омского острога жили у К. И. Иванова (адъютанта генерала Бориславского, мужа О. И. Анненковой). А в письме Достоевского к Ч. Ч. Валиханову от 14 декабря 1856 г. читаем следующие строки: «Поклонитесь от меня Д<уро>ву и пожелайте ему от меня всего лучшего. Уверьте его, что я люблю его и искренно предан ему» (Д30; 28;: 250).

О Ф. М. Достоевском в «Сибирском дневнике» написано следующее:

«...drugi z nich to ten okrzyczany powieściopisarz, ten autor “Biednych ludzi” i innych mniejszych lub większych powieści, sława Północy, ten ogromny talent i okrzyczana wielkość. Jak że w oczach moich ujawnił swój poziom. Jako wychowaniec korpusu kadeckiego przesiąkł wszelkim złem, jakie gnieździło się w podobnych zakładach. Zatarł w sobie wszystkie zarody dobrego, jakie wyniósł z domu rodzicielskiego. Był to Moskal w całym tego słowa znaczeniu. Polaków nienawidził, mówił (niestety z rysów twarzy i z nazwiska znać było polskie jego pochodzenie), że gdyby wiedział, iż w jego żyłach płynie choćby kropla polskie[j] krwi, to kazałby ją wypuścić. I to miał być człowiek postępu? To miał być reprezentant nowej zasady, nowych idei? Ze zdań jego sądząc, powiedziałbym, że to był zwolennik knutowładztwa! Nie raz bowiem wyrażał się w ten sposób: wówczas dopiero będę szczęśliwym, kiedy zobaczę wszystkie sąsiednie ludy pod panowaniem cara. Bo i cóż są ci Francuzi, Anglicy, Niemcy czy Hiszpanie? Czy to narody? To karykatury, to parodie narodu!» («...второй из них был пресловутый романист, о котором кричали на всех перекрестках, автор “Бедных людей” и других меньших или больших по размеру повестей, слава Севера, огромный талант и расхваленная знаменитость. И как же он при мне проявил себя?! Как воспитанник кадетского корпуса, он был пропитан всяческим злом, которое гнездилось в подобных учреждениях. Он забыл все хорошее,

что вынес из родительского дома. Был это москаль во всех смыслах слова. Поляков ненавидел, говорил (к сожалению, по его чертам лица и по фамилии было видно польское происхождение), что если б знал, что в его венах есть хоть одна капля польской крови, то приказал бы ее выпустить. И это — человек прогресса? Это — представитель новых принципов, новых идей? Учитывая его суждения, я бы сказал, что он был приспешником жестокой власти кнута. Он не раз выражался так: “Я только тогда буду счастлив, когда увижу все соседние народы под властью царя. Ибо что такое французы, англичане, немцы или испанцы? Неужели это народы? Это лишь карикатуры, лишь пародии на народы!”») [Polacy z Wilna i ze Żmudzi na zesłaniu: 109–110].

Ниже приведен наш перевод 19-й главы из «Сибирского дневника» под названием «Сергей Дуров и Федор Достоевский»:

«Dostojewski nigdy nie powiedział, że Ukraina, Wołyń, Podole, Litwa i cała Polska to kraj przemocą zagrabiony; on zawsze utrzymywał, że ręka sprawiedliwości Bożej oddała to wszystko pod władzę caryzmu. Po to jedynie, aby oświecić lud przez ojcowski, błogi rząd cara. “W innym razie — mówił Dostojewski — tak pozostawiony sam sobie, byłby to kraj nędzy, ciemnoty i barbarzyństwa. Prowincje bałtyckie to także Ruś właściwa — podobnie Sybir i Kaukaz”.

Słyszając nieraz takie absurdy od człowieka, od którego należy wymagać czegoś więcej, myślałem, czy on nie jest przypadkiem wariatem? Gdy rozpoczęła się kampania wschodnia, kiedy wojska rosyjskie przeszły za Dunaj, F[iodor] Dostojewski, aczkolwiek w katordze, chodził z wypogodzoną twarzą, ironicznie się uśmiechał. Spoglądając na nas, marzył o nowym zaborze, t[o] j[est] Turcji, i głosił otwarcie, że Konstantynopol, że cała europejska część Wielkiej Porty już dawno powinna należeć do Rosji; że to będzie kwiat “ruskiej imperii”. Ale jaką miał minę, kiedy się dowiedział, że [Michał książę] Gorczakow wracał zza Dunaju i znaczy drogę swego odwrotu trupami... Pamiętam dobrze, jak go to niepokoiło, jak dziko spoglądał na wszystkie strony, jak chodząc po kazamacie, usiadł wreszcie koło pieca i dłubał palcem w szczelinie, nic do nikogo nie mówiąc. Od dawna mieliśmy z sobą nieporozumienia; trudno było choćby o pozorną zgodę z człowiekiem, który zawsze pamiętał, że był oficerem. Chciał zawsze gospodarować. Jako autor lubił rozmawiać o literaturze każdego narodu, której nie mógł znać, prócz swojej i francuskiej. Wszystko u niego, w porównaniu do literatury rosyjskiej — nic nie było warte. Zasadą było (nie mówiąc już o nienawistnych mu Polakach) obeдрzeć każdy naród ze wszystkiego, co tylko mógł mieć pięknego, wielkiego i szlachetnego: zniszczyć, zgładzić wszelkie pamiątki narodowe, użyć godziwych lub niegodziwych środków, aby tylko siebie wywyższyć, a drugich jak można zepchnąć niżej.

Jakim sposobem, mógłby ktoś słusznie zapytywać, człowiek taki jak Dostojewski, który odebrał wojskowe wychowanie, mógł zejść do robót fortecznych? Rzecz prosta. Wpadły mu w ręce niektóre dzieła postępowych pisarzy. Prawda, jaką tam przeczytał, przedarła się przez siedliska jego rozsądku; nie mógł jej nie zrozumieć; ocknęło się dobre i pokazało całą fałszywość postępowania

и życia. Zapragnął wtedy poprawy; przy okolicznościach bardziej sprzyjających mógł jeszcze zrehabilitować swoje życie. Zawiedziony — nie umiał wytrwać i poszedł drogą dawną. Wypuszczony na wolność, został przeznaczony na służbę do Semipałatyńska, gdzie ponownie dosłużył się stopnia oficerskiego. Ożenił się z wdową i za nim otrzymał wskazaną szarżę, napisał wiersz pochwalny dla cara Mikołaja. Sławił w nim jego wielkość i potęgę rozumu. Za co? Za wojnę krymską! Kiedy ci dwaj ludzie przybyli do Omska i zamieszkali z nami pod jednym dachem, zdawało się, że zobaczyłem światełka odrodzenia, co zabłyśły na chmurnym północnym niebie! Aliści, z żalem przychodzi mi wyznać, że się zawiódł najmocniej, bo nie tylko, że pod koniec więzienia musieliśmy zerwać stosunki, szczególnie z Dostojewskim. Musieliśmy nim pogardzać, groził bowiem doniesieniem, wydaniem dawnych naszych rozmów. Słowem, powiedział, że kiedy zechce, to potrafi tak zrobić, że zgnijemy w więzieniu. Od słowa do czynu, każdy to przyzna, tylko jeden krok prowadzi. Ale nie dosyć tego: miałem później zżeczność dowiedzieć się o innych działających w sprawie tak zwanej “Pietraszewskiego”. Wszyscy, z małym wyjątkiem, byli sobie podobni i żadnemu nie brakowało wykształcenia; każdy zamiłowany w pijaństwie albo w grze w karty. Nie wymieniam ich nazwisk, a mógłby[m] to uczynić, gdyby nie to, że daleko odstąpiłem od mego przedmiotu, do którego czas nareszcie powróci».

«Достоевский никогда не говорил, что Украина, Вольнь, Подолье, Литва и целая Польша — это земли, насильно присвоенные; он всегда утверждал, что справедливая рука Божья отдала эти территории под власть царизму единственно для того, чтобы даровать народу отцовское, блаженное правление царя. “В противном случае — говорил Достоевский — предоставленный сам себе, был бы это край нищеты, варварства и тьмы. Балтийские провинции — это тоже настоящая Русь, как Сибирь и Кавказ”.

Слушая не раз такой абсурд от человека, от которого стоило бы ожидать чего-нибудь большего, я задумывался, а не сошел ли он часом с ума? Когда началась восточная кампания и российские войска перешли Дунай, Федор Достоевский, хоть и пребывал на каторге, ходил с ясным лицом и иронично усмехался. Поглядывая на нас, мечтал о новом захвате (Турции) и говорил открыто, что Константинополь и вся европейская часть Великой Порты уже давно должны принадлежать России — это будет жемчужина “русской империи”. Но какое же у него было лицо, когда он узнал, что князь Михаил Горчаков возвращается из-за Дуная, и путь его отступления завален трупами... Я хорошо помню, как это взволновало Достоевского, как он дико озирался по сторонам, и, как блуждая по каземату, он уселся наконец возле печи и стал пальцем расковыривать трещинки, ничего никому не говоря.

Между нами давно возникло непонимание; трудно было жить хотя бы с виду в согласии с человеком, который всегда помнил, что был офицером. Он постоянно хотел господствовать. Достоевский был писателем и поэтом любил разговаривать о литературе разных народов, которую не мог знать (за исключением своей и французской). По его мнению, литература ни одного

народа не была столь же ценна, как русская литература. Как правило, Достоевский стремился обесценить все прекрасное, великое и благородное, что только было у другого народа (не говоря уже о ненавистных ему поляках): он хотел всеми правдами и неправдами уничтожить любые народные ценности, чтобы возвыситься самому, а других затолкать как можно ниже.

Каким образом, мог бы кто-нибудь задать правильный вопрос, такой человек, как Достоевский (получивший военное воспитание), мог попасть на работы в крепость? Все просто. В его руках оказались некоторые труды прогрессивных писателей. Правда, о которой он прочитал, поразила его; он не мог ее не понять; в нем будто пробудилось добро, и былые поступки, былая жизнь показались фальшивыми. Тогда ему захотелось все исправить; при более благоприятных обстоятельствах он еще мог реабилитироваться. Разочарованный — он не выдержал и возвратился на старую дорогу. После освобождения Достоевский был отправлен на службу в Семипалатинск, где вновь дослужился до офицерского чина. Женился на вдове, и прежде чем получить указанный чин, написал похвальное стихотворение царю Николаю. Прославлял в нем его величие и могучий ум. За что? За Крымскую войну!

Когда эти два человека (С. Дуров и Ф. Достоевский. — А. П.) прибыли в Омск и стали жить с нами под одной крышей, казалось, будто я увидел огоньки возрождения, которые зажглись на хмуром северном небе! Но с грустью приходится признать, что я сильно ошибся, потому что под конец срока каторги нам пришлось разорвать отношения, в первую очередь с Достоевским¹³. Он вынудил нас относиться к нему с презрением, потому как грозился, что донесет на нас, выдаст старые наши разговоры. Словом, он сказал, что если захочет, то сумеет сделать так, чтобы мы сгнили в заключении. От слова к делу (каждый это знает) только один шаг. Но это еще не все: позже мне удалось узнать и о других участниках так называемого “дела Петрашевского”. Все они, за редким исключением, были друг на друга похожи, и ни у одного не было недостатка в образовании; каждый очень любил или выпивку, или игру в карты. Не перечисляю их фамилии, а мог бы, если бы не то обстоятельство, что я сильно отвлекся от темы моего повествования, к которой наконец настало время вернуться» [Polacy z Wilna i ze Żmudzi na zesłaniu: 109–112].

В личной переписке с автором работы руководитель проекта И. Л. Волгин акцентировал внимание на том, что «подобные негативные оценки Ф. М. Достоевского характерны для позднейшей польской (да, пожалуй, и русской либеральной) историко-литературной традиции. Можно подозревать, что эти оценки не всегда основаны на личных впечатлениях Ю. Богуславского».

Мы можем отметить, что Ю. Богуславский писал воспоминания в 1856–1857 гг., когда находился на лечении в Карлсбаде.

«Na ciężkich robotach w Omsku Józef Bogusławski przebywał do lipca 1855 r. Potem, zgodnie z wyrokiem, skierowano go na osiedlenie w gminie abaląskiej, pod Tobolskiem. Tam znajdował się pod opieką Komitetu Pomocy. Na ziemi polskiej, do rodzinnego majątku w Grodzieńszczyźnie, powrócił na mocy manifestu koronacyjnego z 1856 r. Zastał “przy życiu oboje rodziców”. Problemy z górnymi drogami oddechowymi odnowiły się, co spowodowało, że najbliżsi wysłali go na długotrwałą kurację do Karlsbadu. Tam przygotował publikowane tu wspomnienia. Z notatki prasowej wynika, że problemy zdrowotne były przyczyną przyspieszonego zgonu Józefa Bogusławskiego. Zmarł w 1857 r. w Częstochowie, tuż po powrocie z kurortu; według innych źródeł — w 1859 r.» («На тяжелых работах в Омске Юзеф Богуславский находился до июля 1855 г. После, согласно приговору, его отправили на поселение в абалакскую гмину (волость) под Тобольском. Там он жил под опекой Комитета Помощи. На землю польскую, в родное имение на Гродненщине, он вернулся на основании коронационного манифеста в 1856 г. Застал “в живых обоих родителей”. Проблемы с верхними дыхательными путями возобновились, поэтому близкие отправили его на долгосрочное лечение в Карлсбад. Там он подготовил публикуемые в этой книге воспоминания. Из напечатанной в газете заметки известно, что из-за проблем со здоровьем Юзеф Богуславский безвременно скончался в 1857 г. в Ченстохове, сразу же после возвращения с курорта, согласно другим источникам — в 1859 г.» [Polacy z Wilna i ze Żmudzi na zesłaniu: 23].

Мемуары Юзефа Богуславского начинаются так:

«Od kilku tygodni bawię w Karlsbadzie. Przybyłem tu, aby zdrowie moje, długim cierpieniem nadwątlone, pokrzepić, przekonany jednak jestem, że to wszystko na próżno! Trzeba umierać! Nim to nastąpi, chcę, bracia moi, podać do wiadomości waszej wszystko to, czego co wspólnie z innymi doświadczyłem, jak również, na co własnymi patrzyłem oczami. Siadając do pisania tych notatek, nie myślałem o tym, żeby imię moje uczynić przez nie głośnym, żeby zająć jakieś stanowisko w literaturze; do pierwszego nie mam żadnej pretensji, dlatego osobie samym będę Wam prawić; do drugiego zaś nie czuję się zdolnym. Przyjmijcie proszę, po prostu opowiedziane fakty. Jeżeli można ogłóście je drukiem; niechaj ci, którzy mówią, że nam dzisiaj zbyt dobrze, przekonają się, że głąskanie niedźwiedzia gorsze jest od drapania tygrysa, niech się przekonają, że położenie nasze żadnej nie uległo zmianie» («Вот уже несколько недель я в Карлсбаде. Прибыл я сюда, чтобы поправить здоровье, подточенное долгими страданиями; однако убежден, что это напрасно! Время умирать!.. Прежде чем это случится, я хочу, братья мои, рассказать вам все случаи, свидетелями которых я был вместе с остальными, а также все то, что я видел своими глазами. Приступая к написанию этих заметок, я не думал о том, чтобы стать известным, и чтобы занять какое-то место в литературе; на первое я не претендую, поэтому буду говорить вам о себе самом, а для второго не считаю себя способным. Примите, пожалуйста, просто рассказанные факты. Если

можно, напечатайте их; пусть те, которые говорят, будто нам сегодня чересчур хорошо живется, убедятся, что ласка медведя — хуже ран, нанесенных тигром, пусть убедятся, что положение наше ни в коей мере не изменилось» [Polacy z Wilna i ze Żmudzi na zesłaniu: 43].

Из всего вышеизложенного следует, что Юзеф Богуславский умер вскоре после написания мемуаров. Что было дальше с его рукописью?

1857–1859 гг. — время возвращения из первой ссылки Ш. Тока(р)жевского [Polacy z Wilna i ze Żmudzi na zesłaniu: 32]. Из книги «Polacy z Wilna i ze Żmudzi na zesłaniu...» следует, что при невыясненных обстоятельствах Шимон Тока(р)жевский стал владельцем рукописи Юзефа Богуславского. Известно, что к тому моменту Ш. Тока(р)жевский подготовил и собственные воспоминания, наброски которых появились еще в ссылке под Омском. Он дополнил их после возвращения из второй ссылки в 1883 г. Мемуары Ш. Тока(р)жевского под названием «Семь лет каторги» были опубликованы в 1907 г., уже после его смерти. Интересная деталь: «...rękopis miał być złożony u kanonika wawelskiego Teodora Rozińskiego, a w świetle deklaracji wydawców, kilka stron ze zdeponowanego egzemplarza zaginęło» («...рукопись должна была находиться у каноника вавельского Теодора Розиньского, а по заявлению издателей, несколько страниц из отданного на хранение экземпляра исчезло») [Polacy z Wilna i ze Żmudzi na zesłaniu: 32].

Как мы уже отмечали, в мемуарах Ш. Тока(р)жевского и Ю. Богуславского достаточно много эпизодов, описанных одинаково (вплоть до дословного совпадения текстовых фрагментов). В книге «Polacy z Wilna i ze Żmudzi na zesłaniu...» выдвигается предположение, что и «Сибирский дневник», и «Семь лет каторги» к публикации подготовила Галина Тока(р)жевская, жена Шимона Тока(р)жевского. Если это действительно так, то есть вероятность, что «Сибирский дневник» редактировали дважды: в первый раз это сделал Шимон Тока(р)жевский, а во второй — его жена. Точно известно, что примечания к первому разделу мемуаров Ш. Тока(р)жевского подготовила Эмилия Госселин (1815–1864), педагог и участница движения в поддержку политических заключенных. Об этом было написано в «Новой реформе» [Polacy z Wilna i ze Żmudzi na zesłaniu: 33]. В книге «Polacy z Wilna i ze Żmudzi na zesłaniu...» говорится, что предварительная редакция текста Ю. Богуславского была осуществлена Ш. Тока(р)жевским и Э. Госселин между 1857 и 1864 гг. Э. Блейк пишет, что рукопись «Сибирского дневника» в библиотеку Ягеллонского университета передал Ивановский в 1898 г. Эта рукопись «is obviously a clean copy of the original and is handwritten in black ink on lined paper in a hardcover medium brown notebook» («...является, видимо, чистой копией оригинала. Она написана от руки черными чернилами на разлинованной бумаге в тетради с коричневой твердой обложкой») [Blake: 34–35]. В предисловии к мемуарам Богуславского в книге «Polacy z Wilna i ze Żmudzi na zesłaniu...» также упоминается Евстахий Хелениуш Ивановский (1813–1903).

Он был публицистом и историком, который издал в 1894 г. во Львове книгу «Wspomnienia polskich czasów dawnych i późniejszych» («Воспоминания о Польше древних и позднейших времен» или «Воспоминания о польских древних и позднейших временах»). Во 2 томе этой книги были опубликованы объемные фрагменты из мемуаров Ю. Богуславского. В научном журнале «Новая библиотека» читаем, что «zamiłowanie Iwanowskiego do książek, szczególne zainteresowanie historią Polski oraz ambicja zostania pisarzem, zaowocowały powstaniem dość bogatej kolekcji druków, rękopisów i korespondencji» («любовь Ивановского к книгам, особый интерес к истории Польши, а также стремление стать писателем были причиной появления довольно богатой коллекции печатных изданий, рукописей и корреспонденции»); «Księgozbiór Iwanowskiego, gromadzony prawdopodobnie od połowy lat czterdziestych XIX w., obejmuje pięćdziesiąt pięć rękopisów historycznych, w tym dziewięć pamiątek» («коллекция книг Ивановского, собираемая, вероятно, с середины 40-х гг. XIX столетия, состоит из 55 исторических рукописей и в том числе включает 9 мемуаров») [Grucel: 40]. Мемуары из коллекции Е. Ивановского касаются двух тем: ликвидации в 1839 г. униатской церкви и ссылки в Сибирь. Среди последних — рукопись «Сибирского дневника» Ю. Богуславского. Эти мемуары являются своего рода исключением, ведь они были написаны в Карлсбаде, а большая часть работ из коллекции Е. Ивановского была написана вблизи Волыни [Grucel: 45]. Важный момент: «Iwanowski nie posiadał ekslibrisu, nie oznaczył też posiadanych rękopisów w żaden szczególny sposób. O ich przynależności do jego zbiorów świadczą notatki sporządzone ręką Heleniusza. Zawierają one opis zawartości rękopisu, wiadomości dotyczące jego autora, a także często informacje o losach rękopisu i sposobie ich pozyskania. W nielicznych przypadkach Iwanowski ograniczył się tylko do własnoręcznego nadania bądź przepisania tytułu pracy» («Ивановский не проставлял экслибрисы и не помечал книги из своей коллекции никаким другим способом. Об их принадлежности к коллекции свидетельствуют заметки, написанные рукой Хелениуша. Они описывают содержание рукописей, имеют сведения о ее авторе, а также часто содержат информацию о судьбах рукописей и способе их приобретения. В немногочисленных случаях Ивановский ограничивался тем, что добавлял или переписывал заголовок работы») [Grucel: 45]. В 1887 и 1898 гг. Е. Ивановский передал свою коллекцию Ягеллонской библиотеке. Из всего вышеизложенного можно предположить, что упоминаемые Ю. Богуславским эпизоды, касающиеся Ф. Достоевского и окончания Крымской войны, либо не принадлежат на самом деле автору «Сибирского дневника», либо являются в некотором роде домыслом Ю. Богуславского. Однако с уверенностью можно сказать, что Ф. М. Достоевский не мог в остроге узнать о переходе русских войск за Дунай (весной 1854 г.), ведь он покинул его еще зимой.

Примечания

- * Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90021 («Достоевский: жизнь и наследие. Биографические лакуны. Рецепция творчества и судьбы в национальном сознании (1881–1921)»).
- ¹ Здесь и далее перевод с польского языка автора статьи. За проверку переводов автор выражает благодарность Мартину Боровски (dr Marcin Borowski, Uniwersytet Wrocławski).
 - ² РГВИА. Ф. 312. Оп. 2. Д. 1281. Л. 25.
 - ³ Там же.
 - ⁴ Отметим, что в русскоязычных источниках, в том числе и в Статейных списках, его фамилия пишется как «Токаржевский», однако с точки зрения польского правописания это является ошибкой, поскольку в польском языке фамилия выглядит следующим образом: «Tokarzewski», где сочетание «rz» читается как «ж» (см. об этом: [Кушникова, Тогулев: 5]). Далее в статье мы будем использовать укрепившееся в русскоязычной академической среде написание «Тока(р)жевский».
 - ⁵ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Т. 4. С. 279–288. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Д30* и указанием тома (полутома — нижний индекс) и страницы в круглых скобках.
 - ⁶ РГВИА. Ф. 312. Оп. 2. Д. 1281. Л. 25.
 - ⁷ РГВИА. Ф. 312. Оп. 2. Д. 1451. Л. 29.
 - ⁸ В. А. Дьяков предполагает, что в Ягеллонской библиотеке находится рукопись, которую Шимон Тока(р)жевский подготовил для публикации в краковской газете «Новая реформа» [Дьяков: 203–204].
 - ⁹ Про «Сибирский дневник» В. С. Вайнерман пишет так: «Эти воспоминания на русском языке не были изданы и упоминаются только в польской специальной литературе» [Вайнерман: 252]. Подобное замечание встречаем и у В. А. Дьякова: «О наличии “Воспоминаний сибиряка” несколько раз упоминалось в специальной литературе, но сведения из них исследователи практически не использовали» [Дьяков: 203].
 - ¹⁰ Ср., например, этот текст в других изданиях: «В январе 1850 г. из Петербурга привезли двух русских заключённых. Сергей, сын Фёдора Дурова, и Фёдор, сын Михаила Достоевского, оба чрезвычайно слабые, нервные, *пропитанные йодом и ртутием*, как аптечные склянки, осуждены были на четыре года тяжёлых работ, а потом на воинскую службу» [Токаржевский, 2007: 188] (курсив мой. — А. П.).
 - ¹¹ РГВИА. Ф. 312. Оп. 2. Д. 1281. Л. 25.
 - ¹² Стоит иметь в виду, что книга П. К. Мартянова — это «не прямые воспоминания, а сводка собранных от очевидцев материалов. <...> История их появления такова. Почти одновременно с Достоевским, в январе 1850 года, в Омск прибыли шестеро бывших воспитанников Морского кадетского корпуса. <...> За какое-то не очень значительное нарушение воинской дисциплины они были выписаны рядовыми в пехоту и отправлены на службу в омский гарнизон. Довольно скоро “морячки” получили унтер-офицерские чины и не раз бывали в карауле, охранявшем крепость и каторжную тюрьму, выполняя при этом командирские обязанности. Будучи в карауле, “морячки” многократно встречались с Достоевским и другими “политическими преступниками”, находившимися в остроге, разговаривали с ними и наблюдали тюремную жизнь. Их рассказами и воспользовался П. К. Мартянов. Трудно поручиться за все сведения, которые приводятся у Мартянова, но многое в них подтверждается другими источниками. Поэтому представляется, что эти сведения можно использовать, критически сопоставляя их с другими данными» [Дьяков: 198].
 - ¹³ В «Записках...» есть такое упоминание: «...Мы года два почти неразлучно ходили с Б—м на одни работы <...> Мы с ним болтали; говорили об наших надеждах, убеждениях. Славный был он человек; но убеждения его иногда были очень странные, исключительные. Часто у некоторого разряда людей, очень умных, устанавливаются иногда совершенно

парадоксальные понятия. Но за них столько было в жизни выстрадано, такую дороною ценою они достались, что оторваться от них уже слишком больно, почти невозможно. Б—ский с болью принимал каждое возражение и с едкостью отвечал мне. Впрочем, во многом, может быть, он был и правее меня, не знаю; но мы наконец расстались, и это было мне очень больно: мы уже много разделили вместе» (ДЗ0; 4: 216).

Список литературы

1. Базанов М. К статье «Товарищи Достоевского» // Исторический вестник. — 1898. — Т. 72. — С. 355–358.
2. Белов С. В. Ф. М. Достоевский и его окружение: энциклопедический словарь: в 2 т. — СПб.: Алетейя, 2001.
3. Вайнерман В. С. «Поручаю себя Вашей доброй памяти» (Ф. М. Достоевский и Сибирь). — Омск: Наука, 2014. — 392 с.
4. Владимирцев В. П. Книга века // Полн. собр. соч.: канонические тексты / под ред. В. Н. Захарова. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1997. — Т. 3. — С. 754–763.
5. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1972–1990.
6. Дьяков В. А. Каторжные годы Ф. М. Достоевского (по новым источникам) // Политическая ссылка в Сибири. XIX — начало XX в. Историография и источники. — Новосибирск, 1987. — С. 198–218.
7. Кушникова М., Тогулев В. Предисловие к «Сибирскому лихолетью» Шимона Токаржевского // Токаржевский (Токажевский) Ш. Сибирское лихолетье / пер. с польск. М. Кушниковой, сост. и авт. предисл. М. Кушникова, В. Тогулев. — Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007. — С. 5–98.
8. Мартьянов П. К. Дела и люди века: отрывки из старой записной книжки, статьи и заметки: в 3 т. — СПб.: Тип. Р. Р. Голике, 1896. — Т. 3. — 304 с.
9. Николаевский К. Товарищи Ф. М. Достоевского по каторге // Исторический вестник. — 1898. — Т. 71. — С. 219–224.
10. Тихомиров Б. Н. Ф. М. Достоевский и другие // Русская литература. — 2003. — С. 254–269.
11. Токаржевский Ш. Семь лет каторги // Голоса Сибири: Литературно-художественный альманах. — 2005. — Вып. 1 (приложение). — С. 1–7.
12. Токаржевский (Токажевский) Ш. Сибирское лихолетье / пер. с польск. М. Кушниковой, сост. и авт. предисл. М. Кушникова, В. Тогулев. — Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007. — 980 с.
13. Якубович И. Д. Комментарии: Ф. М. Достоевский. Записки из Мертвого дома // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 15 т. — Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1988. — Т. 3. — С. 531–558.
14. Blake E. A. Travels from Dostoevsky's Siberia: Encounters with Polish Literary Exiles. — Boston: Academic studies press, 2019. — 212 p.
15. Bobowicz-Potocka Z. Kto był właściwym autorem rozdziału poświęconemu Dostojewskiemu w książce Szymona Tokarzewskiego "Siedem lat katorgi" // Przegląd Humanistyczny. — Warszawa, 1975. — Т. 19. — Nr. 8 (119). — S. 91–94.
16. Grucel A. Zbiory Eustachego Iwanowskiego — pamiętnikarza i publicysty historycznego w Bibliotece Jagiellońskiej // Nowa Biblioteka. — Katowice: Agencja Wydawnicza "TRIO", 2011. — Nr. 1 (8). — S. 35–51.
17. Polacy z Wilna i ze Żmudzi na zesłaniu. Kresy w polskich pamiętnikach i listach (1795–1918). Pamiętniki Józefa Bogusławskiego i księdza Mateusza Wejta. Opracował Mariusz Nowak. — Kielce: Wydawnictwo Uniwersytetu Jana Kochanowskiego, 2016. — Т. 4. — 331 s.

Anastasiya G. Podryabinkina

Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russian Federation)

nastya.podryabinkina@gmail.com

What Did Jozef Boguslavsky Say About Sergei Durov and Fedor Dostoevsky in “Siberian Diary”?

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR, project number 18-012-90021 Dostoevsky.

Abstract. The article examines the chapter “Sergei Durov and Fyodor Dostoevsky” from the “Siberian Diary” of the Polish revolutionary Jozef Boguslavsky, who was confined in the Omsk prison at the same time as F. M. Dostoevsky. The “Siberian Diary” was included in “Polacy z Wilna i ze Żmudzi na zesłaniu. Pamiętniki Józefa Bogusławskiego i księdza Mateusza Wejta” (“Poles from Vilnius and Zemaitija in exile. The Memoirs of Jozef Boguslavsky and priest Mateusz Veit”). Some fragments of this book and other Polish sources were translated into Russian for the first time by the author of the article, including the recollections about Sergey Durov and Fyodor Dostoevsky. The interrelation between the “Siberian Diary” by Y. Boguslavsky, “Notes from a Dead House” by F. M. Dostoevsky, and S. Tokazhevsky’s “Seven Years of Hard Labor” and “The Convicts” is also analyzed in the paper.

Keywords: F. M. Dostoevsky, “Notes from a Dead House”, Tokazhevsky, Tokarzhevsky, Boguslavsky, Omsk prison, penal servitude, Jagiellonian library, Russian State Military Historical Archive

About the author: Podryabinkina Anastasiya G. — Student of the Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University (ul. Mokhovaya 9 c 1, Moscow, 119019, Russian Federation)

Received: December 01, 2019

Date of publication: March 31, 2020

For citation: Podryabinkina A. G. What Did Jozef Boguslavsky Say About Sergei Durov and Fyodor Dostoevsky in “Siberian Diary”? In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2020, no. 1, pp. 51–68. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4421 (In Russ.)

References

1. Bazanov M. To the Article “Dostoevsky’s Comrades”. In: *Istoricheskiy vestnik [The History Herald]*, 1898, vol. 72, pp. 355–358. (In Russ.)
2. Belov S. V. *F. M. Dostoevskiy i ego okruzhenie: entsiklopedicheskiy slovar': v 2 tomakh [F. M. Dostoevsky and His Ambience: Encyclopedic Dictionary: in 2 Vols]*. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2001. (In Russ.)
3. Vaynerman V. S. «Poruchayu sebya Vashey dobroy pamyati...» (F. M. Dostoevskiy i Sibir') ["I Entrust Myself to Your Good Memory..."] (F. M. Dostoevsky and Siberia)]. Omsk, Nauka Publ., 2014. 392 p. (In Russ.)
4. Vladimirtsev V. Book of the Century. In: *Polnoe sobranie sochineniy: kanonicheskie teksty [Dostoevsky F. M. The Complete Works: Canonical Texts]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1997, vol. 3, pp. 754–763. (In Russ.)
5. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh [The Complete Works: in 30 Vols]*. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
6. Dyakov V. A. The Years of Penal Servitude of F. M. Dostoevsky (According to New Sources). In: *Politicheskaya ssylka v Sibiri. XIX — nachalo XX v. Istoriografiya i istochniki [Political Exile in Siberia. The 19th — Early 20th Century. Historiography and Sources]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1987, pp. 196–220. (In Russ.)

7. Kushnikova M., Togulev V. Preface to “Siberian Troubled Years” of Shimon Tokarzhevsky. In: *Tokarzhevskiy (Tokazhevskiy) Sh. Sibirskoe likholet'e [Tokarzhevsky (Tokazhevsky) Sh. Siberian Troubled Years]*. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2007, pp. 5–98. (In Russ.)
8. Mart'yanov P. K. *Dela i lyudi veka: otryvki iz staroy zapisnoy knizhki, stat'i i zametki: v 3 tomakh [Affairs and People of the Century: Excerpts from an Old Notebook, Articles and Notes: in 3 Vols]*. St. Petersburg, Tipografiya R. R. Golike Publ., 1896, vol. 3. 304 p. (In Russ.)
9. Nikolayevskiy K. Comrades of F. M. Dostoevsky on Hard Labor. In: *Istoricheskiy vestnik [The History Herald]*, 1898, vol. 71, pp. 219–224. (In Russ.)
10. Tikhomirov B. N. F. M. Dostoevsky and Others. In: *Russkaya literatura*, 2003, pp. 254–269. (In Russ.)
11. Tokarzhevskiy Sh. Seven Years of Hard Labor. In: *Golosa Sibiri: Literaturno-khudozhestvennyy al'manakh [Voices of Siberia: Literary and Artistic Almanac]*, 2005, issue 1 (application), pp. 1–7. (In Russ.)
12. Tokarzhevskiy (Tokazhevskiy) Sh. *Sibirskoe likholet'e [Siberian Troubled Years]*. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2007. 980 p. (In Russ.)
13. Yakubovich I. D. Comments: F. M. Dostoevsky. Notes from the Dead House. In: *Dostoevskiy F. M. Sobranie sochineniy: v 15 tomakh [Dostoevsky F. M. Collected Works: in 15 Vols]*. Leningrad, Nauka Publ., 1988, vol. 3, pp. 531–558. (In Russ.)
14. Blake E. A. *Travels from Dostoevsky's Siberia: Encounters with Polish Literary Exiles*. Boston, Academic Studies Press Publ., 2019. 212 p. (In English)
15. Bobowicz-Potocka Z. Kto był właściwym autorem rozdziału poświęconemu Dostojewskiemu w książce Szymona Tokarzewskiego “Siedem lat katorgi” [Who Was the Author of the Chapter Dedicated to Dostoevsky in Szymon Tokarzewski's Book “Seven Years of Hard Labor”]. In: *Przegląd Humanistyczny [Humanist Review]*. Warszawa, 1975, vol. 19, no. 8 (119), pp. 91–94. (In Polish)
16. Grucel A. Zbiory Eustachego Iwanowskiego — pamiętnikarza i publicysty historycznego w Bibliotece Jagiellońskiej [Collections of Eustache Ivanowski — Historical Journalist and Publicist at the Jagiellonian Library]. In: *Nowa Biblioteka [New Library]*. Katowice, Agencja Wydawnicza “TRIO” Publ., 2011, no. 1 (8), pp. 35–51. (In Polish)
17. *Polacy z Wilna i ze Żmudzi na zesłaniu. Kresy w polskich pamiętnikach i listach (1795–1918). Pamiętniki Józefa Bogusławskiego i księdza Mateusza Wejta. Opracował Mariusz Nowak [Poles from Vilnius and Żmudzi in Exile. Lines in Polish Diaries and Letters (1795–1918). Memoirs of Józef Bogusławski and Father Mateusz Wejt. Compiled By Mariusz Nowak]*. Kielce, Jan Kochanowski University Publ., 2016. vol. 4. 331 p. (In Polish)